

Честь и достоинство Наталлии Терентьевой

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

17 апреля в Москве пройдет церемония вручения главной российской театральной премии «Золотая маска». Как уже сообщал «Северный край», в номинации «За честь и достоинство» премия будет вручена актрисе Ярославского академического театра драмы имени Ф. Г. Волкова, народной артистке России Н. И. Терентьевой. «Что в таких случаях говорят на церемонии награждения? Не скажешь ведь: да, я достойна этой премии, у меня есть честь и достоинство, и правильно вы мне ее дали», — волнуется она по поводу предстоящей поездки в Москву. «Я, конечно, никого не убивала, старалась не предавать. Но я просто жила, никогда не задумывалась, что кто-то будет оценивать мою жизнь. Я делаю ошибки, иногда ругаюсь, могу похулиганить — по-моему, за это меня и любили мои ученики»...

Если у Наталлии Ивановны неожиданная и необычная награда вызвала немало раздумий, то у всех, кто ее хоть сколько-нибудь знает, сомнений нет — если не ей, то кому?

— **Наталлия Ивановна, как вы считаете, нравственность — приобретаемое человеческое свойство или врожденное?**

— Нравственность... Я думаю, приобретаемое. В процессе воспитания, общения с людьми, которые рядом. Очень многое зависит от семьи. Я уверена, что в жизни человека проявляется то, что было заложено в семье.

— **А вас чему учили в семье?**

— Как я поняла позднее, в меня многое вкладывали. В детстве я что-то сразу забывала, но когда выросла, словно открывались какие-то клапаны, я вспоминала, чему меня учили.

У нас семья была очень большая, патриархальная — бабушка, дедушка, бабушкина сестра, родители и семь детей — двоюродные братья и сестры, племянники, к нам всегда кого-то «на исправление» привозили. Бабушкина сестра закончила Парижскую академию художеств, была прекрасной художницей. Она осталась одна и жила вместе с нами. По утрам приходила в спальню и забирала меня к себе. Комната бабушки и дедушки была рядом, и она говорила: «Бабушка с дедушкой еще спят, говори шепотом». Я ей вторила: «Жопотом». Я была так мала, что не понимала, что такое шепот. Она мне про Бога рассказывала, душевно воспитывала. Такое внимание она почему-то проявляла только ко мне. С братьями и сестрами даже ссоры были — почему бабуля меня больше любит.

По утрам в воскресенье мы все просыпались от громких

глухонемых детей. На кухне бабушка сажала ребенка на стол и проверяла ему слух. Наша семья жила небогато, мы ходили в заштопанных юбочках и чулочках, но другим помогали бесплатно. Дед мой был немец — Фридрих Альберт Рау, сын ульмовских ткачей. Родители его рано умерли, он остался один. Научившись работать с глухонемыми детьми, дед был приглашен в Россию губернатором к глухонемому мальчику, а впоследствии открыл школу для глухонемых, которая была первой в России. Потом он возглавил институт для глухонемых: открыли его в 1898 году, день-на строительство здания дал Третьяков. В 1914 году дед крестился — стал Федор Андреевич Рау. Ему предоставили пожизненную квартиру при институте, где мы все и жили.

Все взрослые занимались глухонемыми детьми, разговоры в семье шли только про глухих, заик. Мы играли с ними в саду, знали: этого надо пожалеть, он глухой да еще без отца и матери. Милосердие с пеленок воспитывалось в семье. А ведь никто не говорил прямо: надо делать так. Какие-то вещи сами собой разумелись.

— **В детстве ребенка формирует не только семья. Познать жизнь помогает**

дение — Петя вышел! Мы тоже сразу бежали во двор. Хотя он был младше нас, но у него было во всех сферах жизни высшее образование. Мы впитывали все, что он говорил. А вечером сидели за большим столом, перед сном были тихие игры — лепили, рисовали, делали поделочки какие-то и обсуждали все, чему набрались за день. Наши родители слушали и падали в обморок. «Слониха родила слоненка», — комментировали мы рисунки. «Слон», — поправляла нас монахиня, которая жила в большой комнате за шкафом. «Слоны не умеют рожать», — спорили мы, продолжая рисовать. «А я говорю — слон», — не уступала она. Потом мы начали понимать что к чему, не все принесли в дом. Но двор остался для нас первой настоящей академией жизни.

— **Ваша юность пришлась на тяжелое время, войну. Но ничто не формирует человека лучше, чем преодоление трудностей. Как вы выросли?**

— Когда началась война, мы, как семья немца, должны были покинуть Москву. Эвакуировались в Казань. Нас приехало 10 че

— купить дрова. Еще сообразательство было — я должна была разнести из поликлиники еду детям железнодорожников. Четыре вязанки дров за плечами, сетка с едой, муфта, на ногах чуни. И вот таким паровозом я шла домой через весь город.

ваются взрослые дяди и тети, по-настоящему, с нотами. Но отступать было поздно. Я вошла в зал и оказалась перед огромной комиссией. Меня спросили: «Где ваши ноты?» Я сказала, что нот нет, а петь буду романс. Они удивились, но решили все-таки проверить мой слух. Аккомпаниатор сыграл музыкальную фразу, я медленно, но очень точно ее повторила. Переглянулись: «Ну, спойте». Я спела «Мне минуло 16 лет» Даргомыжского. Закончила — все молчат. И потом раздался голос: «Девочка, идите-ка вы домой». Я сказала спасибо и ушла. Для меня это была огромная травма, я не готова была к такому прослушиванию, со мной никто не занимался. Я валялась дома и рыдала. Мне было

Фото Сергея МЕТЕЛИЦЫ

Наталлия Ивановна во время гастролей в Нью-Йорке.

Наташа и ее мама.

Шла и мечтала повидаться с девчонками. Мы собирались, разговаривали, патефон заводили, а весной даже на танцульки бегали в парк. Тогда же пришлось поработать при МХАТе. Оно было высшее, и меня с образованием семь классов не взяли.

Мама, помня о моей мечте, как-то сказала, что требуются рабочие сцены во МХАТ. Так мы с сестрой стали работать рабочими сцены. Я об опере уже перестала мечтать, но все равно хотела стать актрисой. Через какое-то время меня зачислили во вспомогательный состав, с нами занимались чтением, танцами.

Мама по-прежнему преподавала в школе-студии МХАТ, туда я и пошла во второй раз в своем рабочем халате, с молотком за поясом. В этом был какой-то шик — рабочий человек, да и ходить мне было прос- то больше не в чем. Меня прослушали и задали тот же вопрос: «Образование какое у вас? Вы нам понравились, но

так стыдно, так ужасно, что даже на работу мимо театра я больше не ходила.

Уже в Москве, году в 1944-м, мама меня показала преподавателю вокала. Выяснилось, что данные у меня есть — хороший голос, большой диапазон, можно учиться. Но надо было платить за обучение, денег на это у нас не было. Так что мечта стала оперной певицей так и осталась мечтой, а работать я стала воспитательницей. Через какое-то время открылось училище при МХАТе. Оно было высшее, и меня с образованием семь классов не взяли.

Мама, помня о моей мечте, как-то сказала, что требуются рабочие сцены во МХАТ. Так мы с сестрой стали работать рабочими сцены. Я об опере уже перестала мечтать, но все равно хотела стать актрисой. Через какое-то время меня зачислили во вспомогательный состав, с нами занимались чтением, танцами.

Мама по-прежнему преподавала в школе-студии МХАТ, туда я и пошла во второй раз в своем рабочем халате, с молотком за поясом. В этом был какой-то шик — рабочий человек, да и ходить мне было прос- то больше не в чем. Меня прослушали и задали тот же вопрос: «Образование какое у вас? Вы нам понравились, но

нять. Какое-то время его не трогали — очевидно, помнили, что он открыл в России первую школу для глухонемых, а бабушка — первый детский сад. Но потом появилась статья в «Литературке». Называлась она «Таинственный остров» и была о том, как дед приехал из Германии в Россию до революции, обосновался и вел тут подпольную работу — неправильно обучал глухонемых. Дедушка ужасно переживал, страдал, боялся, что будут последствия для семьи. Он написал Сталину. Через некоторое время позвонили из секретариата и сказали, что его письмо получено и волноваться не надо, его никто не тронет. Спустя два года дед получил орден Ленина — еще при жизни Сталина.

— **Если времена не выбирают, то от выбора линии своего поведения уйти никому не удается. В этом и проявляется весь человек. А выбрать бывает сложно, и никто в этом не поможет — сам решай. Вот, например, как относиться к своим врагам — терпеть или бороться?**

— Были всякие случаи в жизни. Не хотелось говорить об этом. В 1991 году нас с мужем уволили из театра. У меня тогда хватало силы — я боролась. Сергей Константинович, который прошел войну, был старше меня на 5 лет, расторялся. Он был так оскорблен, обижен, что заболел. Он получил инфаркт и умер. Я боролась — осталась жива. Думаю — как бы поступила сейчас? Наверное, не стала бы бороться творческий человек этим разрушает свое творчество. В моей душе после смерти Сергея Константиновича был ад, справиться с которым мне помог отец Борис Старк. Этот случай меня перевернул, я многое переосмыслила, стала терпимее. Сейчас работаю с теми, кто когда-то выступал против нас, и не считая их врагами. Тогда они вынуждены были подчиняться, чтобы выжить.

— **Если бы была «Золотая маска» за мудрость, по-моему, вы и ее могли бы получить...**

— Не знаю, не знаю... Ко мне часто приходят знакомые, друзья, иногда просят совета. И хотя мне уже много лет, не всегда могу что-то посоветовать. Внуки спрашивают: «Ты же знаешь, как бывает в театре, как лучше поступить?» А я боюсь дать совет — вдруг ошибешься, а человеку дальше жить. Мы рассуждаем, спорим, пытаемся вместе найти оптимальное решение. Вместе...

ла меня к себе. Комната бабушки и дедушки была рядом, и она говорила: «Бабушка с дедушкой еще спят, говори шепотом». Я ей вторила: «Жопотом». Я была так мала, что не понимала, что такое шепот. Она мне про Бога рассказывала, душевно воспитывала. Такое внимание она почему-то проявляла только ко мне. С братьями и сестрами даже ссоры были – почему бабуля меня больше любит.

По утрам в воскресенье мы все просыпались от громких звуков – на кухне звенел колокольчик, этакое ботало. Это бабушка принимала глухонемых детей. (Наследницей громогласного колокольчика из детства стала Наталия Ивановна, теперь он стоит в серванте, рядом с портретами тех самых дорогих людей, кому принадлежал. – Авт.) Приезжали к нам отовсюду – из деревень, даже из Сибири. Во дворе скапливалось много народу, была очередь. Люди ехали, потому что знали, что Наталья Александровна Пау без денег принимает

ли: этого надо пожалеть, он глухой да еще без отца и матери. Милосердие с пеленок воспитывалось в семье. А ведь никто не говорил прямо: надо делать так. Какие-то вещи сами собой разумелись.

– В детстве ребенка формирует не только семья. Познать жизнь помогает двор, первые друзья. Кого из них вы запомнили?

– Рядом с институтом стоял дом, в котором жили институтские работники. У всех были дети. Гуляли мы все вместе. Казалось, что им было можно все, а нам нет. Рано утром, как только просыпались, бежали к окну и смотрели на крыльцо дома, не выходят ли наши друзья. Замечательной фигурой был Петька. Он выбегал в любую погоду в одной майке, изображая полет голубя – он был голубятником. Для нас это было такое наслаж-

век: трое стариков – бабушка, дедушка и тетя; мама и дети, самому младшему, племяннику, – год. Все жили по углам, за шкафами, комната была только у бабушки и дедушки. Конечно, без удобств, без туалета. Я только закончила семь классов, но вынуждена была пойти работать. Работа моя была на другом конце города, транспорт ходил плохо, и я каждый день добиралась туда и обратно пешком. На мне была обязанность

дочь – время поиска и осмысления себя, с сильными переживаниями и желаниями, испытаниями и искушениями. Чем в те годы жила ваша душа?

– Все мои желания и стремления тогда были – театр. Мама – она преподавала в студии МХАТа сценическую речь – с детства водила нас в театр. Домой к ней приходили певцы – и голосом позаниматься, и арии разучить – она очень хорошо играла. Дома мы постоянно пели, я мечтала стать оперной певицей. Когда мы жили в Казани, у нас была соседка – молоденькая балерина Люба Ласточкина из театра Камала. Она сказала: «Наташа, у тебя такой хороший голос, тебе надо попробоваться в театре – у нас будут набирать хор». Я сдуру пошла. Когда пришла, то увидела, как в кулуарах распе-

уже перестала мечтать, но равно хотела стать актрисой. Через какое-то время меня зачислили во вспомогательный состав, с нами занимались чтением, танцами.

Мама по-прежнему преподавала в школе-студии МХАТ, туда я и пошла во второй раз в своем рабочем халате, с молотком за поясом. В этом был какой-то шик – рабочий человек, да и ходить мне было просто больше не в чем. Меня прослушали и задали тот же вопрос: «Образование какое у вас? Вы нам понравились, но мы с семилетним не берем. Да и семейственность разводить не можем – здесь ваш брат учится, мама преподает. Мы вам дадим записочку в МГКУ, там принимают без десятилетки, а преподают артисты МХАТа». Я пошла туда. Готовцев, прослушав меня прямо у себя в кабинете, сказал: «Побольше бы таких не принимали во МХАТ». И началась учеба.

Тогда о своем происхождении вспоминать было опасно. В 1947 году деда начали притес-

– Если бы была «Золотая маска» за мудрость, по-моему, вы и ее могли бы получить...

– Не знаю, не знаю... Ко мне часто приходят знакомые, друзья, иногда просят совета. И хотя мне уже много лет, не всегда могу что-то посоветовать. Внутри спрашивают: «Ты же знаешь, как бывает в театре, как лучше поступить?» А я боюсь дать совет – вдруг ошибешься, а человеку дальше жить. Мы рассуждаем, спорим, пытаемся вместе найти оптимальное решение. Вместе...

***

Наверное, в этом и есть мудрость. И в сочетании с честностью и достоинством, за которые теперь дают высшие актерские премии, получается эталон человеческой природы. Знаю, Наталия Ивановна улыбнется – эталоны, мол, не хулиганят и не ругаются. Но так ким нам видится образ народной артистки, уже ставшей одной из красивых легенд Волковской сцены.

Марина ШИМАНСКАЯ